

ВО ИМЯ ЖИВУЩИХ

ПРОИЗВЕДЕНИЕ, напоминающее о муках и страданиях прошлой войны, глубоко драматичное, с беспощадной прямотой и откровенностью заставляющее чувствовать и мыслить и со страстной, стремительной, захватывающей дух смелостью и силой бросающее взгляд и призыв в грядущее. Музыка, полная неистовой боли, стона и крови сердца, временами звучащая из самых глубин беспредельных страданий прошлого и светло, мужественно устремленная в будущее, пронизанная радостной и непоколебимой верой в него... Таков Реквием Дмитрия Кабалевского на стихи Роберта Рождественского, на днях впервые прозвучавший в Большом зале Консерватории (исполнители — симфонический оркестр Московской государственной филармонии, Государственный московский областной хор и детский хор Института художественного воспитания Академии педагогических наук РСФСР, дирижер Б. Хайкин, руководитель хоров В. Соколов, солисты В. Левко и В. Валайтис).

Сочинение, рассказывающее «о тех, кто уже не придет никогда», посвященное

все живое —
спасим,
себя —
не спасим.

Реквием... Название, ставшее постепенно традиционным для музыки трагедино-философской, повествующей о судьбе, жизни и смерти, о смысле человеческого бы-

тия. Название это у Кабалевского и Рождественского звучит патетично, но более всего соответствует оно той части их произведения, где касается темы утраты, когда «говорят мертвые», — темы прошлого.

Для чего она им,
эта слава, —
мертвым?...
...если крикнут
все люди
земного шара, —
ни один из погибших
даже не вздрогнет.

Эту тему прошлого, страдания и гнева народного музыка воплощает в скорбных вопросительных репликах певицы и женского хора, в классически строгих хоральных эпизодах, временами неуловимо напоминающих образцы старого полифонического письма, в лирико-патетических оркестровых интерлюдиях, подобно «авторским ремаркам» пронизывающих весь Реквием. Она — в лирической песне, интонационно близкой широко бытующим напевам современности, в старинном русско-песенном материнском плаче-причитании, в скорбно-тревожном «шепоте», наконец, в замечательном хоре — своего рода образце современной русской песенности. Мастерство и разнообразие, с каким выражена эта сфера скорби, оплакивания, поразительно. Но еще поразительнее то, что, несмотря на всю драматическую сгушенность красок, здесь нет и тени мрачной безнадежности. Музыка даже в самые трагические моменты не погрязает в ужасах и страданиях прошлого, напротив, она парит над ними, ибо не это является ее целью и содержанием, а мудрая скорбь, искренняя и величаящая скорбь мужественного человека, сына мужественного народа. Вот почему этот Реквием — не отпевание, а воспевание;

Вечная
Слава
Героям!..
И бессмертные гимны,

прощальные гимны
над бессонной планетой

плывут
величаво...

Так теме прошлого каждый раз уверенно отвечает, взволнованно оспаривает и опровергает ее «от имени сердца, от имени жизни» тема настоящего, потому что повествование

это нужно —
не мертвым!
Это надо —
живым!

И еще потому, что

Просто был выбор у каждого:
я
или
Родина.

Искренне и серьезно, сдержанно, с большим благородством, без ложного пафоса и громких слов композитор утверждает эту тему отвоёванной жизни, Родины. Непокоримый, спокойно мудрый оптимизм его «музыки настоящего» лишен внешней помпезности и оказывается тем более убедительным, по-русски скромным и несокрушимо стойким.

Большой, серьезный разговор не ограничивается ни одними лишь ужасами прошлой войны, ни даже настоящим. Это разговор художника, умеющего смотреть вдаль, взволнованно и романтично, видеть будущее и безгранично верить в него!

Во имя живущих,
во имя грядущих,

— так провозглашает в начале Реквиема «Вечная слава». И начиная со второй половины произведения, эта тема будущего постепенно вытесняет две другие. Именем грядущего, где «не будет войны», а «дети отучатся плакать», именем солнца, жизни и Отчизны будущего звучит безыскусственная песня — клятва юных.

И вновь мерно проходит торжественно-величавый рефрен всего сочинения — «помните!». Но тема эта, быть может, лучшая в Реквиеме, по смыслу менее всего обращена в прошлое.

Нет, —
Мечту пронесите
через года
и жизнь
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придет
никогда, —

ваклинаю, —
помяните!

Тема эта уже около двух десятилетий волнует крупнейших художников современности, она вызвала к жизни множество различных произведений во всех областях искусства. И если вспомнить даже лишь те из них, которые принадлежат сфере музыки, станет ясно, насколько трудно сейчас раскрыть эту тему совсем по-новому, интересно и оригинально — так, чтобы решение ее стало событием не только в силу гражданственности и актуальности, но и по своим художественным качествам. Можно утверждать с полным правом, что трудности

эти здесь преодолены. Реквием Кабалевского и Рождественского впечатляет в равной степени музыкой, превосходным поэтическим текстом, своеобразной трактовкой ораториально-симфонического жанра, а самое важное — глубоко человеческим и высоко гражданственным, искренним и правдивым преломлением своей темы.

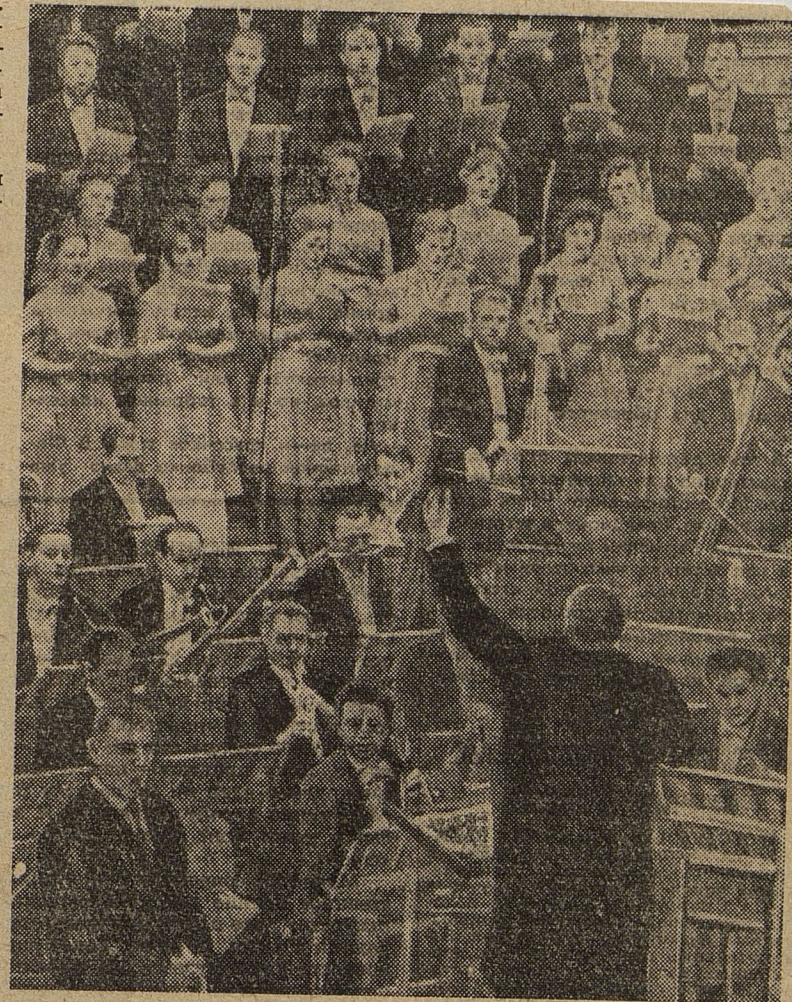
По содержанию Реквием Кабалевского имеет непосредственного предшественника в его творчестве — Четвертую симфонию (особенно медленную ее часть), сочинение замечательное, судьба которого, к сожалению, до сих пор складывается все еще не так, как оно того заслуживает. И, как и в симфонии, в музыкальном языке Реквиема нет, кажется, «ничего особенного», вновь придуманного (впрочем, это очень хорошо, когда в музыке нет придуманного!). Музыкальные средства, избранные Кабалевским, в сущности, принадлежат арсеналу русско-советской классики, отчасти основанному Мясковским и Прокофьевым, а восходящему к Чайковскому и Римскому-Корсакову (классичны в этом смысле и многие мелодические изгибы, и полутоновые, и терцово-плагальные последования трезвучий и тональностей, и контрасты темпов и характеров). Но есть в этой глубоко индивидуальной музыке еще и та выразительная простота и кристаллическая ясность, которая придает ей отпечаток классичности не только по средствам, а и по духу, существу, характер благородной, неспешной, чуть «приподнятой» красоты и стройности.

По традиции критика должна оправдать свое назначение и высказать некоторые «замечания критического характера». В данном случае единственный серьезный упрек, который можно адресовать Реквиему, — отсутствие значительных перерывов в музыке, длящейся более полутора часов, из-за чего внимание к концу несколько ослабевает. Но прерывать музыку невозможно, иначе будет утеряно все ее настроение и нарушено единство смысловой линии. Единственное, с чем можно спорить, — с несколько вялой манерой исполнения дирижера, в данном случае совершенно неожиданной. Необходимо особо сказать о солистах. Давно не приходилось ни в опере, ни в концерте слышать такое пение — выразительное, чистое, красивое и даже с хорошей дикцией. Композитор тонко чувствует и подчеркивает ритмическую и интонационную структуру стиха, то подробно следуя за изгибами текста, то, напротив, подчиняя его мелодическому потоку, постоянно чередуя вокальные мбры и тем самым придавая поэтическому тексту новые смысловые оттенки и интонации. Безусловно, это мастерское произведение требует и от исполнителей высшей школы мастерства.

Реквием Кабалевского и Рождественского сложен для исполнения, не прост он и для восприятия. Но нет сомнений, что он найдет своих слушателей. Ибо каждым своим словом и звуком он написан

во имя живущих,
во имя грядущих.

Т. БОГАНОВА.

На премьере нового произведения
Дмитрия Кабалевского Реквием (на
слова поэта Роберта Рождествен-
ского) в исполнении симфониче-
ского оркестра Московской государ-
ственной филармонии, московского
областного хора и детского хора Ин-
ститута художественного воспита-
ния. Дирижер Б. Хайкин.
Фото А. КОНЫКОВА (ТАСС).

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА